

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.3>

UDC 902(652)
LBC 63.443-427.1

Submitted: 14.10.2023
Accepted: 16.01.2024

FIBULAE FROM THE UST-KAMENSKY CEMETERY IN THE LOWER DNEPER REGION

Viktor V. Kropotov

Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article is devoted to analyzing 24 fibulae originating from the Ust-Kamensk kurgan cemetery. Typologically, these finds are not very diverse. The bow fibulae (18 pieces) are the most numerous among them. Hinged arc-shaped brooches (3 pieces) and military clasps (2 pieces) are represented in a significantly smaller number. The spring fibulae with the button at the end of the continuous lamellar receiver are observed only in one fibula. The overwhelming majority of the specified decorations (21 pieces) form a single chronological group dated according to different chronological schemes to the second – third quarters or the second half of the 1st century – early 2nd century AD. Only three pieces do not belong to this group: two military fibulae date back to an earlier period and one spring fibulae with the button on the receiver end was made later. Taking into account modern research, military brooches cannot date back later than the early 1st century AD. The brooch with the button on the receiver dates back to the first half – middle of 2nd century AD. Considering that fibulae are the most reliable and precisely dated indicators in the inventory of the Ust-Kamensk kurgan cemetery, their dating can be confidently extended to the chronology of the whole burial ground. Thus, the monument was used for at least 100 years, from the early 1st century AD up to the first half – the middle of the 2nd century AD, but not just in the middle of the 1st – beginning of the 2nd centuries AD, as it was considered earlier. The majority of fibulae from the Ust-Kamensk collection have possibly been made in Olbia or delivered through it from the Roman provinces. Only the military brooches and the spring fibulae with the button on the receiver end, apparently, are of a different origin.

Key words: fibulae, Sarmatians, burials, kurgans, Middle-Sarmatian culture, Lower Dnieper region, Roman time.

Citation. Kropotov V.V., 2024. Fibuly Ust'-Kamenskogo mogil'nika na Nizhnem Dnepre [Fibulae from the Ust-Kamensky Cemetery in the Lower Dnieper Region]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 23, no. 1, pp. 46-65. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.3>

УДК 902(652)
ББК 63.443-427.1

Дата поступления статьи: 14.10.2023
Дата принятия статьи: 16.01.2024

ФИБУЛЫ УСТЬ-КАМЕНСКОГО МОГИЛЬНИКА НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

Виктор Валерьевич Кротов

Институт археологии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Работа посвящена анализу 24 фибул, происходящих из Усть-Каменского курганного могильника. В типологическом плане эти изделия не очень разнообразны. Самые многочисленные среди них – лучковые подвязные фибулы (18 экз.). Значительно меньшим количеством представлены шарнирные дуго-видные (3 экз.) и воинские (2 экз.) застёжки. И только в одном экземпляре известна пружинная фибула с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника. Абсолютное большинство указанных украшений (21 экз.) составляют единую хронологическую группу, датируемую по разным хронологическим схемам второй – третьей четвертями I в. н.э. или второй половиной этого столетия – началом следующего века. Только три застёжки не входят в эту группу: две из них – воинские фибулы – более ранние, одна – пружинная фибула с кнопкой на конце приемника – более поздняя. Воинские фибулы с учетом современных исследований не могут быть датированы позднее начала – первой половины I в. н.э. Застёжка с кнопкой на конце приемника относится к первой половине – середине II в. н.э. Учитывая то, что фибулы являются самыми надежными и узко датированными индикаторами в инвентаре Усть-Каменского могильника, их датировка

уверенно может быть перенесена на хронологию всего могильника в целом. Соответственно, памятник функционировал не менее 100 лет: как минимум, с начала – первой половины I в. н.э. вплоть до первой половины – середины II в. н.э., а не только в середине I – начале II в. н.э., как считалось ранее. Большинство фибул из усть-каменской коллекции, вероятно, были изготовлены в Ольвии или завезены через нее из римских провинций. Лишь воинские фибулы и пружинная с кнопкой на конце приемника, по-видимому, имеют иное происхождение.

Ключевые слова: фибулы, сарматы, погребения, курганы, среднесарматская культура, Нижнее Поднепровье, римское время.

Цитирование. Кропотов В. В., 2024. Фибулы Усть-Каменского могильника на Нижнем Днепре // Нижневолжский археологический вестник. Т. 23, № 1. С. 46–65. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2024.1.3>

Усть-Каменский курганный могильник – один из самых известных памятников среднесарматского времени в Северном Причерноморье. Расположенный на правом берегу р. Днепр, в 28 км к западу-северо-западу от древней Никопольской переправы, на южном склоне невысокого мыса, образованного слиянием рек Базавлук и Каменка, в 0,7 км к северу от с. Усть-Каменка Апостоловского района Днепропетровской области, некрополь представлял собой скопление небольших курганных насыпей (высотой до 0,8 м, диаметром не более 20 м), хаотично разбросанных на участке размером 700 × 350 м, вытянутом с юго-запада на северо-восток. Большинство курганов находилось в южной части памятника, где они зачастую буквально «наползали» друг на друга; в северной части их концентрация была значительно меньшей. Здесь же – в северной части – располагался и доминирующий на могильнике единственный крупный курган (высотой 6 м), оставшийся неисследованным, но, скорее всего, относящийся еще к эпохе бронзы или скифскому времени.

Первые раскопки некрополя проведены Усть-Каменским отрядом Никопольской археологической экспедиции ИА АН УССР под руководством Е.В. Махно в 1951 году. Тогда была изучена южная периферия памятника – 20 насыпей, сохранившихся в нераспаханном виде [Махно, 1951]. Все остальные видимые на поверхности объекты – 51 курган, как не потревоженные, так и практически полностью уничтоженные распашкой, за исключением самого большого, упомянутого выше, были изучены экспедицией Днепропетровского государственного университета под руководством В.И. Костенко в 1983–1985 гг. [Костенко, 1983; 1984; 1985]. В результате этих работ памятник, по сути, исследован полностью.

Из 71 открытой на нем курганной насыпи четыре (курганы №№ 38, 43, 56, 62) были возведены в эпоху бронзы, но содержали впускные сарматские погребения. Один курган (№ 63), по-видимому, являлся скифским; еще три (№№ 7, 67, 68) – средневековыми. Остальные грунтовые сооружения воздвигнуты над основными захоронениями сарматского времени, девять из них включали также впускные детские погребения. Всего, таким образом, сарматский могильник состоял из 78 погребальных комплексов, 47 из которых сохранились в не нарушенном древними грабителями виде.

Характеризуя погребальный обряд данного некрополя, следует отметить, что большинство захоронений в нем были совершены в подбойных могилах (42 объекта), реже использовались узкие прямоугольные (19 объектов) и широкие подквадратные (17 объектов). Покойные в них укладывались, как правило, вытянуто на спине вдоль длинной оси могилы и лишь в подквадратных гробницах они располагались по диагонали сооружения. Из 50 случаев, в которых была установлена ориентировка покойника, 38 раз он размещался головой в южный сектор (14 – на юго-восток, 13 – на юг, 11 – на юго-запад) и 12 раз – в северный (4 – на северо-восток, 4 – на север, 4 – на северо-запад). Преобладания той или иной ориентации в каком-либо типе погребальных сооружений не обнаружено. В могилах нередко применялись деревянные конструктивные элементы – ящики-гробовища, плахи перекрытия, оклады стен и пр. Кроме того, зафиксировано использование растительных циновок и «подушек», а также подсыпок дна могил мелом. Случаев искусственной деформации черепов у покойных не выявлено.

Захоронения обычно сопровождал достаточно разнообразный инвентарь, в его числе бронзовые тазы, гончарные и лепные сосуды, стеклянные бальзамарии, предметы вооружения, конская упряжь, мелкие личные украшения, фибулы, зеркала, пряжки, пряслица, бусы и т. д. Эта богатая коллекция хранилась в двух учреждениях Украины: предметы из раскопок Е.В. Махно (курганы 1–20) – в Национальном музее истории Украины (г. Киев), материалы полевых работ В.И. Костенко (курганы 21–71) – в Археологической лаборатории Днепропетровского Национального университета (г. Днепропетровск)¹. В научный оборот собрание введено не полностью. Так, Е.В. Махно опубликовала лишь краткую информацию о результатах своих работ, приведя иллюстрации только некоторых наиболее выразительных, с ее точки зрения, вещей [Махно, 1960, с. 24–38, рис. 12–22]. Более полно издал свои материалы В.И. Костенко, однако схематичность представленных в его монографии рисунков не всегда позволяет правильно интерпретировать отдельные находки [Костенко, 1993, с. 13–84, рис. 4–29]. Ряд комплексов рассмотрен в трудах А.В. Симоненко, при этом особое внимание автор уделил анализу предметов римского импорта и вооружения [Simonenko, 2008, S. 62–65, Taf. 42–55; Simonenko, 2010, с. 259–272; 2011, с. 187–193]. Основной же массив собранных данных остается, по сути, малоизвестным широкому кругу исследователей и не охвачен комплексным всесторонним анализом. Общая среднесарматская атрибуция памятника сомнения не вызывает, однако его абсолютная датировка, предложенная В.И. Костенко и поддержанная А.В. Симоненко, – вторая половина I – начало II в. н.э. [Костенко, 1993, с. 123, 142; Симоненко, 2000, с. 134–138; 2004, с. 157], представляется не достаточно точной и требует некоторой корректировки.

Такие важные преимущества Усть-Каменского могильника, как хорошая сохранность, полное исследование, выразительность полученного материала, дополненные надежными хронологическими определениями, в перспективе позволят рассматривать памятник в качестве эталонного для целого пласта (хронологического горизонта) сарматских древностей Северного Причерноморья. Вме-

сте с тем не полная публикация материала и ограниченная доступность самих находок серьезно затрудняют такое использование. В этой связи введение в научный оборот всего массива данных, собранных на Усть-Каменском могильнике, наряду с разработкой его надежной хронологии, является первоочередной задачей сарматологии.

Данная работа частично выполняет эту функцию – в ней специально рассмотрен набор фибул, происходящий из Усть-Каменского могильника, с целью уточнения его состава, датировки и происхождения. Поскольку фибулы являются надежными хронологическими и культурными индикаторами, их всестороннее изучение позволяет попутно затронуть ряд общих вопросов, связанных с датировкой памятника в целом, а также выявить некоторые направления торговых и культурных связей оставившего его населения.

Всего на Усть-Каменском могильнике собраны 24 фибулы: 23 бронзовых и одна железная, происходящие из 20 комплексов. Это достаточно значительная выборка по меркам среднесарматской культуры. По сути, фибулы встречены в каждом четвертом захоронении некрополя, что не характерно для сарматских погребальных памятников этого времени. К примеру, на лишь немного меньшем по своим размерам могильнике у с. Ново-Филиповка и с/х «Аккермень», включавшем порядка 50 погребений, было найдено только девять фибул, а на не полностью исследованных некрополях Орель-Самарского междуречья (Подгородное, Ново-Подкрыж, Филия, Троицкое, Вербки, Мелиоративный и др. – в целом не менее 80 основных захоронений) – всего три. На этом фоне набор застёжек Усть-Каменского могильника, включающий в себя почти две трети всех фибульных находок Нижнего Поднепровья среднесарматского времени, выглядит особенно представительно и уже поэтому заслуживает отдельного внимания.

К сожалению, не все образцы из усть-каменской коллекции удалось изучить визуально, так как часть из них не сохранилась в фондах. Кроме того, при осмотре некоторых образцов были выявлены весьма существенные утраты. Чтобы восполнить их, к работе привлечены сохранившиеся фотографии и зарисовки усть-каменских фибул, представлен-

ные в отчетах о полевых исследованиях и публикациях. Последние в ряде случаев позволяют не только более полно описать найденные вещи, но и точнее их атрибутировать.

Фибулы обнаружены в следующих погребальных комплексах могильника: кургане 5² (2 экз. – рис. 1,1, 5,6 и рис. 1,2, 2,1), кургане 6, погребении 1 (2 экз. – рис. 1,3, 2,2, 5,9 и рис. 1,4, 5,1), кургане 6, погребении 2 (рис. 1,5, 2,3, 5,2), кургане 12, погребении 2 (2 экз. – рис. 1,6, 5,8 и рис. 1,7, 5,7), кургане 13, погребении 1 (рис. 1,8), кургане 21 (рис. 3,12, 4,2), кургане 26 (рис. 3,2, 4,3), кургане 29 (рис. 3,1, 4,4), кургане 31 (2 экз. – рис. 3,3, 4,5 и рис. 3,4, 4,6), кургане 32 (рис. 3,9, 4,8, 5,3), кургане 37 (рис. 3,16, 4,10, 5,12), кургане 43, погребении 1 (рис. 3,8, 4,9, 5,11), кургане 45 (рис. 3,6, 4,11, 5,13), кургане 49, погребении 1 (рис. 3,10, 4,12, 5,4), кургане 53 (рис. 3,7, 4,7), кургане 59 (рис. 3,11, 4,13, 5,10), кургане 65 (рис. 3,15, 4,14, 5,14), кургане 69 (рис. 3,13, 4,15), кургане 70 (рис. 3,14, 4,16, 5,15), кургане 71 (рис. 3,5, 4,1, 5,5). В типологическом плане они не очень разнообразны. Самые многочисленные среди них – лучковые подвязные фибулы (18 экз.). Значительно меньшим количеством представлены шарнирные дуговидные (3 экз.) и воинские образцы (2 экз.). И только в одном экземпляре известна пружинная застежка с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника.

Лучковые подвязные фибулы на Юге Восточной Европы в первые века н.э. распространены повсеместно, поэтому их преобладание на Усть-Каменском могильнике не удивительно. Однако усть-каменские находки обладают рядом специфических черт, выделяющим их из общего массива причерноморских застежек, – это, в первую очередь, значительные размеры и преобладание нижней тетивы. Морфологически они соответствуют трем из четырех основных серий подвязных изделий: простым проволочным фибулам с верхней тетивой у пружины (группа 15, серия I по классификации А.К. Амброза [Амброз, 1966, с. 48–51]; группа 4, серия I по типологии В.В. Кропотова [Кропотов, 2010, с. 68–80]), аналогичным проволочным образцам с нижней тетивой (группа 15, серия II по классификации А.К. Амброза [Амброз, 1966, с. 52]; группа 4, серия II по типологии В.В. Кропото-

ва [Кропотов, 2010, с. 129–136]) и застежкам с расширенной пластинчатой спинкой, у которых положение тетивы значения не имеет (группа 15, серия VI по классификации А.К. Амброза [Амброз, 1966, с. 55–57]; группа 4, серия IV по типологии В.В. Кропотова [Кропотов, 2010, с. 159–162]).

Простые проволочные фибулы с верхней тетивой в коллекции Усть-Каменского могильника представлены лишь одним экземпляром. Это небольшая застежка, происходящая из кургана 37, скрученная из цельного куска бронзовой проволоки, с четырехвитковой пружинной, плавно изогнутой спинкой и уплощенной, чуть расширенной книзу ножкой. Корпус изделия украшен сплошной 16-витковой обмоткой, являющейся продолжением завязки приемника. Игла не сохранилась. Общая длина фибулы 3,9 см, высота 1,6 см (рис. 3,16, 4,10, 5,12).

По указанным признакам – небольшим размерам, плавно изогнутой спинке, уплощенной ножке, немного расширяющейся книзу – данный образец, безусловно, должен быть отнесен к варианту 2 лучковых подвязных фибул I серии с общей датировкой второй половиной I – началом II в. н.э. [Амброз, 1966, с. 49; Кропотов, 2010, с. 72–74]. Такое хронологическое определение для подобных изделий считается надежным и признается всеми исследователями.

Гладкие проволочные фибулы с нижней тетивой составляют ровно половину всей фибульной коллекции Усть-Каменского могильника – 12 экземпляров. Они обнаружены в десяти комплексах: кургане 5 (2 экз. – рис. 1,1, 5,6 и рис. 1,2, 2,1), кургане 6, погребении 1 (рис. 1,4, 5,1), кургане 6, погребении 2 (рис. 1,5, 2,3, 5,2), кургане 12, погребении 2 (2 экз. – рис. 1,6, 5,8 и рис. 1,7, 5,7), кургане 13, погребении 1 (рис. 1,8), кургане 21 (рис. 3,12, 4,2), кургане 31 (рис. 3,4, 4,6), кургане 32 (рис. 3,9, 4,8, 5,3), кургане 49, погребении 1 (рис. 3,10, 4,12, 5,4), кургане 71 (рис. 3,5, 4,1, 5,5). Одна из фибул (рис. 3,4, 4,6) распалась при зачистке, и судить о ней мы можем только по фотографии, приложенной к отчету, а также рисунку в публикации В.И. Костенко [Костенко, 1983, рис. 82,1; 1993, рис. 8,9]. Причисление данного образца к описываемой серии в значительной степени условно, так как

его пружина не сохранилась. Все остальные экземпляры снабжены нижней тетивой и близки друг другу в деталях. Они скручены из единого куска равномерно тянутой, круглой в сечении проволоки. Их пружины симметричные четырехвитковые, витки плотно прижаты друг к другу; у пяти изделий в пружине сохранилась деревянная ось (рис. 1,2,8, 3,9–10,12). Ножки фибул уплощены и равны по ширине корпусу. Приемники небольшие, равномерно прокованные, с короткой трех- или четырехвитковой завязкой. Большее количество витков – семь, отмечено только в завязке у наиболее крупного образца, происходящего из погребения 1 кургана 6 (рис. 1,4, 5,1). Эта застежка, кроме того, имеет резко выгнутый, коленчатый корпус – спинки других образцов изогнуты более плавно. У фибулы из погребения 2 кургана 12 приемник утрачен в древности (рис. 1,7). Чтобы сохранить функциональную пригодность образца, мастер подогнул конец ножки фибулы вниз так, чтобы за него можно было зацепить иглу. Однако вряд ли такое крепление было надежным. В данном виде застежка, скорее всего, была использована только для погребения. Ныне этот элемент на украшении утрачен (рис. 5,8), и о его наличии мы также судим только по фотографии, представленной в полевом отчете [Махно, 1951, табл. 26]. Размеры полностью сохранившихся образцов: длина 4,6–6,2 см, высота 1,45–2,1 см.

Датировка проволочных фибул с нижней тетивой описанного типа существенно осложнена их малочисленностью. Лишь на Усть-Каменском могильнике они составляют заметную серию – на других памятниках находки таких изделий единичны [Кропотов, 2010, с. 131, 136–139 (форма 2)]. Возможно, поэтому А.К. Амброз не выделял усть-каменские фибулы и другие подобные им образцы в особый тип, а рассматривал вместе с ранними лучковыми застежками с верхней тетивой, относя к варианту 1 серии I своей классификации и датируя I в. н.э., преимущественно первой половиной этого столетия [Амброз, 1966, с. 48]. Предложенные А.К. Амброзом определения были поддержаны В.И. Костенко и А.В. Симоненко [Костенко, 1993, с. 105, 113, 117; Симоненко, 2004, с. 144]. Вместе с тем такие черты, как относительно крупные

размеры, наличие нижней тетивы, узкая равномерно прокованная ножка и т. д., заметно отличают данные изделия от образцов I серии и позволяют обособлять их в отдельный тип / форму, которую, вместе с другими синхронно бытовавшими лучковыми фибулами с нижней тетивой (варианта 2 серии II), на основании совместных находок, в том числе с лучковыми подвязными фибулами с овально расширенной спинкой (см. ниже), можно датировать второй половиной I – началом II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 131, 136–139].

Лучковые подвязные фибулы с овально расширенной спинкой, узкой ножкой, подвязным приемником и четырехвитковой пружинной с верхней или нижней тетивой отмечены в пяти комплексах Усть-Каменского могильника: кургане 6, погребении 1 (рис. 1,3,2,2, 5,9), кургане 31 (рис. 3,3, 4,5), кургане 43, погребении 1 (рис. 3,8, 4,9, 5,11), кургане 53 (рис. 3,7, 4,7), кургане 59 (рис. 3,11, 4,13, 5,10). Эти образцы имеют прямую пластинчатую ножку, дуговидный, плавно изогнутый корпус и отведенную вверх тетиву. У четырех из них спинки выпуклые, две самые крупные также украшены на гребне узкой продольной врезной линией (рис. 5,11)³ и рядом полукруглых насечек (рис. 4,13, 5,10). У пятой фибулы спинка ленточная, снабженная для жесткости продольным гребнем, дополнительный орнамент на корпусе отсутствует (рис. 5,9). Этот образец сохранился фрагментарно, но о его первоначальном облике позволяют судить иллюстрации в отчете о полевых исследованиях и в публикации Е.В. Махно (рис. 1,3, 2,2) [Махно, 1951, табл. 20; 1960, рис. 12,6]. Общие размеры изделий: длина 3,5–5,8 см, высота 1,1–2,2 см, ширина спинки 0,8–1,1 см.

По поводу датировки подвязных фибул с овальной спинкой в литературе существуют различные мнения. Так, А.К. Амброз объединил подобные образцы в вариант 2 серии VI своей классификации и датировал I в. н.э., допуская бытование экземпляров с продольным гребнем на спинке (в частности застежки из погребения 1 кургана 6 Усть-Каменского могильника) в следующем столетии [Амброз, 1966, с. 56]. К I в. н.э. также отнесли описанные фибулы В.И. Костенко и А.В. Симоненко [Костенко, 1993, с. 105, 113, 117; Симоненко, 2004, с. 144]. Несколько более узкую

датировку – вторая треть или вторая – треть четверти I в. н.э. – предложил для них А.А. Труфанов, основываясь, в частности, на устойчивом сочетании таких украшений в позднескифских склепах с многократными погребениями с провинциально-римскими шарнирными брошами без эмали, датировка которых в западноевропейской литературе точно определена [Труфанов, 2009, с. 209, 273–277]. Напротив, более позднее использование рассматриваемых застежек – только во второй половине I – начале II в. н.э. – предложил автор данной статьи, исходя опять-таки из их совместных находок с другими типами вещей, но в основном местного производства [Кропотов, 2010, с. 161]. Не углубляясь в дискуссию об обоснованности тех или иных взглядов на датировку лучковых фибул рассматриваемой серии, следует подчеркнуть, что все исследователи определяют время их бытования в пределах I в. н.э., а сочетание указанных изделий в комплексах Усть-Каменского могильника с образцами предыдущей серии (проволочных с нижней тетивой) не оставляет сомнения в их синхронном использовании.

Шарнирные дуговидные застежки представлены на Усть-Каменском могильнике значительно меньшим количеством. Они обнаружены только в трех комплексах: кургане 65 (рис. 3,15, 4,14, 5,14), кургане 69 (рис. 3,13, 4,15) и кургане 70 (рис. 3,14, 4,16, 5,15). Две последние представляют собой типичные образцы *провинциально-римских фибул типа Авцисса*. Это крупные застежки с массивным литым дуговидно изогнутым корпусом, украшенным двумя продольными валиками со штампованным орнаментом между ними в виде насечек; головка изделий уплощена и закручена в трубочку, в которой с помощью оси закреплена игла; сплошной приемник, постепенно сужаясь, переходит в заостренное окончание с насаженной на него профилированной полусферической кнопкой. При близком сходстве обоих образцов по профилю и размерам, их заметно различают элементы декора. Так, фибула из кургана 69 дополнительно украшена двумя рядами штампованных насечек по краю спинки и «глазками» на головке (рис. 3,13, 4,15). У фибулы из кургана 70 дополнительная орнаментация на корпусе и «глазки» на головке отсутствуют,

однако головка украшена профилированным гребнем со штампованными насечками и двумя симметрично расположенными вырезами по краю, шарнир с двух сторон прикрыт полусферическими кнопками (рис. 3,14, 4,16, 5,15). Длина обоих изделий 5 см, высота корпуса 2,6–2,7 см, ширина спинки 0,6–1,0 см.

Датировка фибул типа Авцисса в западноевропейской литературе предложена в основном в пределах конца I в. до н.э. – середины I в. н.э., не исключая возможности хождения отдельных образцов в более позднее время (см., например: [Ettlinger, 1973, S. 93–94, Taf. 9,6,8; Riha, 1979, S. 114–120, Taf. 23–24; 1994, S. 100–106, Taf. 18–19; Košćević, 1980, S. 15–17, tabl. III,16–21, IV,22–27; Feugère, 1985, p. 312–328, pl. 123–134] и др.). Относительно же периода бытования этих изделий в Северном Причерноморье между исследователями имеются существенные разногласия – часть авторов считает возможным синхронизировать их с западными аналогами [Амброз, 1966, с. 26; Лимберис, Марченко, 2004, с. 221–223; Мяскин, 2011, с. 173–174; и др.], другие, напротив, подчеркивают наличие расхождений в хронологических определениях и указывают на общее «запаздывание» фибул типа Авцисса в Восточной Европе примерно на полстолетия [Симоненко, 2004, с. 143; Simonenko, 2008, S. 30–31; Кропотов, 2010, с. 273]. Здесь следует подчеркнуть, что данные разногласия касаются лишь абсолютных датировок этих фибул. Их относительное хронологическое положение в кругу северопричерноморских древностей – второй период функционирования крымских некрополей римского времени или третья хронологическая группа фибул Юга Восточной Европы [Труфанов, 2009, с. 201; Кропотов, 2010, с. 332] – сомнений не вызывает и определяется по их устойчивому сочетанию в закрытых комплексах как с фибулами других типов (в частности, теми же лучковыми застежками серий I, II и IV/VI варианта 2), так и с иными хронологически показательными вещами.

Третья шарнирная фибула из Усть-Каменского могильника заметно отличается от двух предыдущих. Она имеет меньшие размеры, изготовлена из узкой, чуть сужающейся книзу пластины, украшенной тремя продольными гравированными линиями, дополнен-

ными «елочным» орнаментом. Один конец пластины скручен в трубочку для удержания оси шарнира, другой – переходит в сплошную пластинчатую ножку, снабженную на конце кнопкой. Переход от спинки фибулы к ножке декорирован тремя рельефными валиками. Игла и шарнир изделия не сохранились, но запечатлены на фотографии в отчете о полевых исследованиях (рис. 3,15, 4,14, 5,14). Общая длина образца 4,5 см, высота 1,8 см, ширина спинки 0,7–0,8 см.

В своде А.К. Амброза точно такие же застежки отсутствуют, но близкие им по конструкции образцы с несколько иным декором выделены в отдельный тип и датированы I в. н.э. [Амброз, 1966, с. 27, табл. 4,17–18]. В типологии автора данной работы и те, и другие включены в форму 27 шарнирных дуговидных фибул с датировкой второй половиной I – началом II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 271, 281–282]. Интересно отметить, что два наиболее близких усть-каменскому образцу экземпляра также встречены в сарматских комплексах Нижнего Поднепровья (Подгородное, группа IX, курган 9; Давыдов Брод, случайная находка [Костенко, 1979, рис. 7,12; Симоненко, 1993, рис. 19,26]), но, к сожалению, сопутствующий им материал предложенную дату не уточняет. В литературе подобные застежки принято сопоставлять с провинциально-римскими шарнирными фибулами типа Авцисса или их аналогами и, хотя они не находят полного соответствия, полностью синхронизировать с ними (см., например: [Костенко, 1993, с. 117; Симоненко, 2004, с. 143; Simonenko, 2008, S. 31; Масякин, 2011, с. 171]). Вместе с тем нельзя не указать на почти полное сходство описываемых застежек с ранними пружинными фибулами с кнопкой на конце приемника (группа 9, вариант 1 по классификации В.В. Кропотова [Кропотов, 2010, с. 212, 274, рис. 59,1,9, 80,2,3]). Схожесть им придают как идентичные размеры и очертания, так и общие приемы в орнаментации. Близки и территории распространения обоих типов застежек. По сути, различие сводится лишь к конструкции пружинного аппарата – рассматриваемые застежки снабжены трубчатым шарниром вместо обычной для фибул с кнопкой на конце приемника четырехвитковой пружины (ср.: [Кропотов, 2010, с. 212, 271, 274,

рис. 59,1,9, 80,2,3]). Все это свидетельствует в пользу местного (причерноморского) производства шарнирных застежек описываемого типа и их одновременного использования вместе с пружинными фибулами с кнопкой на конце приемника варианта 1 [Кропотов, 2010, с. 274], шарнирными подражаниями которых они являются.

Все рассмотренные выше типы застежек – поволочные лучковые с верхней (серии I) и нижней (серии II) тетивой, подвязные с овально расширенной спинкой (серии IV/VI) и шарнирные дуговидные (привозные типа Авцисса и местные аналоги), независимо от тех абсолютных датировок, которые для них предлагаются, несомненно, составляют единую хронологическую группу синхронно бытовавших изделий, что подтверждается как устойчивым сочетанием этих предметов между собой в закрытых комплексах, так и их совместными находками с другими хронологически показательными вещами. А.А. Труфанов считает перечисленные застежки, наряду с провинциально-римскими шарнирными брошами без эмали, ведущими хроноиндикаторами второй группы крымских захоронений римского времени, датируемой им второй третью или второй – третьей четвертями I в. н.э. [Труфанов, 2009, с. 273–277]. Автор данной работы объединяет их в третью хронологическую группу фибул Юга Восточной Европы, бытовавшую во второй половине I – начале II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 332].

Вне зависимости от того, какую из этих датировок мы сочтем предпочтительной, двадцать одна рассмотренная выше застежка, все равно будет составлять единую хронологическую группу. Только три из усть-каменских фибул в эту группу не входят: две из них относятся к предшествующему времени – экземпляры из курганов 26 и 29, и одна к последующему – образец из кургана 45.

Первые две застежки представляют собой типичные образцы так называемых **воинских фибул**. К сожалению, найти сами изделия в фондах Археологической лаборатории Днепропетровского Национального университета и изучить визуально не удалось, поэтому их описание и общая характеристика приводятся только по данным, представленным в отчете о полевых исследованиях и пуб-

ликации В.И. Костенко [Костенко, 1983, рис. 48, 61; 1993, с. 22, 25, рис. 6, 28, 7, 9].

Экземпляр из кургана 29 сохранился полностью. Это одночленная бронзовая застежка с узким пластинчатым корпусом, постепенно сужающимся к ножке; высокая дуговидная спинка имеет заметный прогиб в нижней части перед ножкой. Пружина фибулы четыреххватковая с нижней тетивой; приемник сплошной пластинчатый, отогнут от края ножки. Дополнительных украшений изделие не имеет. Размеры образца: длина 4,9 см, высота 1,6 см, ширина спинки 0,5 см (рис. 3, 1, 4, 4).

Фибула из кургана 26 представлена только обломком, являющимся фрагментом корпуса, изготовленного из прямоугольного в сечении железного стержня и снабженного четыреххватковой пружиной с нижней тетивой; длина фрагмента 3,3 см (рис. 3, 2, 4, 3). И хотя ножка и приемник фибулы не сохранились, представленная часть по своим размерам, форме и сечению полностью повторяет предыдущий образец, а потому не оставляет сомнений в отнесении изделия к той же группе воинских фибул.

Воинские фибулы на Юге Восточной Европы распространены широко, но всюду имеют свои региональные особенности. Так, для позднескифских памятников Нижнего Днепра характерны образцы с узким корпусом и нижней тетивой, для некрополей Крымского полуострова – экземпляры с пластинчатой спинкой и верхней тетивой. При этом и те и другие своими небольшими размерами заметно отличаются от более крупных застежек зарубинецкой и других латенизированных культур Среднего Поднепровья и сопредельных территорий [Кропотов, 2010, с. 62].

Находки из усть-каменской коллекции наиболее близки изделиям из нижнеднепровских позднескифских могильников, причем самые полные их аналоги отмечены на расположенном рядом (всего в 28 км к югу) Золотобалковском могильнике [Вязьмитина, 1972, рис. 65, 1–3, 7–11; Кропотов, 2010, рис. 27, 11–12]. Территориальная близость обоих некрополей, наличие в них идентичных вещей предполагают непосредственные контакты в среде оставившего их населения и, соответственно, частичную синхронность этих памятников.

Хотя положение воинских фибул в относительной хронологической шкале надежно установлено – после выхода из употребления застежек латенских схем, но до широкого распространения римского импорта – их абсолютные датировки остаются дискуссионными и «колеблются» в пределах I в. до н.э. – первой половины I в. н.э. из-за расхождений во взглядах исследователей на хронологию среднелатенских фибул и датирующие возможности римского импорта. Наиболее распространенные определения: I в. до н.э. – начало I в. н.э. [Зайцев, Мордвинцева, 2004, с. 182; Труфанов, 2009, с. 195–197, 273], вторая половина I в. до н.э. – первая половина I в. н.э. [Каспарова, 1976, с. 139; Храпунов и др., 1997, с. 94–96; Сергацков, 2004, с. 108; Глебов, 2004, с. 130; 2009, с. 73; и др.], конец I в. до н.э. – первая половина I в. н.э. [Амброз, 1966, с. 23–25; Кропотов, 2010, с. 61]. При этом, независимо от этих разногласий, воинские фибулы остаются самыми ранними образцами в усть-каменской коллекции, так как характеризуют предшествующий хронологический горизонт причерноморских древностей, нежели остальные находки, – первую группу крымских захоронений римского времени по А.А. Труфанову, датированную второй половиной I в. до н.э. – началом I в. н.э. [Труфанов, 2009, с. 271–273], или вторую хронологическую группу фибул Юга Восточной Европы, бытовавшую, по нашему мнению, в конце I в. до н.э. – первой половине I в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 332].

Учитывая тот факт, что фибулы являются самыми точными и узко датированными индикаторами в инвентаре Усть-Каменского могильника, и принимая во внимание указанные определения, следует заключить, что курганы 26 и 29 были сооружены не позднее начала – первой половины I в. н.э., и, соответственно, сам курганный могильник (его сарматская часть) возник еще до середины этого столетия.

Последний образец в изучаемой коллекции, происходящий из кургана 45, является *одночленной пружинной фибулой с кнопкой на конце сплошного пластинчатого приемника* (рис. 3, 6, 4, 11, 5, 13). Этот экземпляр характеризуется крупными размерами, треугольной, сужающейся книзу ножкой с едва намеченной кнопкой на конце, четыреххватково-

вой пружиной с верхней тетивой и плоской ленточной спинкой, украшенной по краю двумя пуансонными линиями, выбитыми с помощью штампа; одна из линий нанесена неровно и как бы составлена из двух частей, несколько отклоненных друг от друга (рис. 5,13). Длина изделия 6 см, высота корпуса 2,6 см, ширина спинки 0,9 см.

По описанным признакам, в первую очередь крупным размерам, широкой ленточной спинке, украшенной пуансонным орнаментом, а также едва намеченной кнопке на конце приемника, данный образец относится к поздним изделиям своего типа. А.К. Амброз объединил такие застежки в вариант 4 фибул с гладким корпусом и кнопкой на конце приемника (группа 12) и датировал второй половиной II – III в. н.э. [Амброз, 1966, с. 44]. Автор данной работы включил их в вариант 2 группы 9 своей классификации с датировкой в пределах первой половины – середины / третьей четверти II в. н.э. [Кропотов, 2010, с. 212–213]. К середине – второй половине II в. н.э. отнес такие фибулы (Хр-66) А.А. Труфанов [Труфанов, 2009, с. 199]. Настаивая на бытовании подобных образцов именно в ранней части II в. н.э., можно указать на частые сонаходки таких фибул (в том числе полностью идентичных усть-каменской) с лучковыми подвязными застежками серии I варианта 3 (см., например: [Косьяненко, 2008, рис. 86,3,8; Ларенок, 2013, табл. 98,3–4; 2021, табл. 130,9–12]), датировка которых в рамках первой половины – середины II в. н.э. признается всеми исследователями, и полное отсутствие их сочетаний с вещами более поздних форм [Кропотов, 2010, с. 213]. Но, как бы то ни было, фибула из кургана 45, вне всяких сомнений, представляет более поздний хронологический горизонт, чем основной массив усть-каменских застежек, и характеризует уже следующий временной промежуток – II в. н.э., связанный с распространением причерноморских сильно профилированных украшений, развитых форм лучковых подвязных изделий, провинциально-римских шарнирных брошей с эмалью и пр.

Подводя итог анализу фибул Усть-Каменского могильника, следует еще раз подчеркнуть их принадлежность к трем разным хронологическим группам. Самыми ранними

в коллекции являются две воинские фибулы, происходящие из курганов 26 и 29. С учетом существующих хронологических определений эти застежки не могут быть датированы позднее начала – первой половины I в. н.э. Следующий хронологический горизонт представлен абсолютным большинством фибульных находок усть-каменской коллекции – проволочными лучковыми фибулами с верхней (серии I) и нижней (серии II) тетивой, подвязными с овально расширенной спинкой (серии IV/VI), провинциально-римскими шарнирными дуговидными типа Авцисса и их местным аналогом (21 экз.: курганы 5, 6 (погребения 1 и 2), 12 (погребение 2), 13 (погребение 1), 21, 31, 32, 37, 43 (погребение 1), 53, 59, 65, 69–71). Датировка перечисленных изделий определяется в пределах второй – третьей четвертей I в. н.э. или второй половины этого столетия – начала следующего века. Наконец, самый поздний этап функционирования могильника отражен только одной застежкой – пружинной фибулой с кнопкой на конце приемника из кургана 45. Этот образец может быть датирован первой половиной – серединой II в. н.э., все более поздние определения представляются недостаточно обоснованными.

Учитывая то, что фибулы являются самыми точными и узко датированными индикаторами в инвентаре Усть-Каменского могильника, их датировка может быть уверенно перенесена на хронологию всего памятника в целом. При этом не следует делать заключение о единичности на некрополе захоронений раннего этапа (не позднее начала – первой половины I в. н.э.) и финальной фазы его жизни (первая половина – середина II в. н.э.) до проведения углубленного хронологического анализа всего инвентаря могильника в целом. Важно подчеркнуть, что погребения в курганах 26 и 29 идентичны и совершены в простых узких подпрямоугольных в плане могилах с немногочисленным и маловыразительным инвентарем, не содержащим, кроме воинских фибул, других датирующих находок. Поэтому нельзя исключать, что и другие захоронения столь же маловыразительного облика, не имеющие в инвентаре фибул (например, курганы 30, 33, 39, 40 и др.), также относятся к начальному этапу функционирования могильника. Напротив, погребения с фибула-

ми последующего времени, как правило, совершены в более монументальных сооружениях с достаточно многочисленным и разнообразным инвентарем, включающим античную керамику, предметы римского импорта, фаянсовые украшения и пр. Захоронение в кургане 45, содержащее самую позднюю фибульную находку – пружинную застежку с кнопкой на конце приемника, и вовсе является едва ли не самым богатым погребальным комплексом могильника.

Таким образом, углубленный анализ фибульных находок Усть-Каменского могильника заметно расширяет хронологические рамки памятника – некрополь, по всей видимости, функционировал не менее 100 лет: как минимум, с начала – первой половины I в. н.э. вплоть до первой половины – середины II в. н.э., а не только в середине I – начале II в. н.э., как это считалось ранее [Костенко, 1993, с. 123, 142; Симоненко, 2000, с. 134–138; 2004, с. 157]. При этом наблюдается постепенный рост благосостояния оставившего его населения.

Поддерживая общепринятую среднесарматскую атрибуцию некрополя, нельзя не отметить одновременность распространения среднесарматских погребальных традиций в Северном Причерноморье и Волго-Донском регионе. Причем как в Причерноморье, так и в бассейне Волги и Дона самые ранние среднесарматские захоронения, содержащие воинские фибулы и ранние лучковые подвязные, совершены, как правило, в узких подпрямоугольных в плане могилах в сопровождении малочисленного инвентаря (например, Ливенцовская, группа VII, курган 36; Ильевка, курган 21; Перегрузное I, курган 16). Типичные же среднесарматские погребения, устроенные в широких подквадратных могилах с диагональным расположением усопшего, скорее всего, распространяются уже несколько позже, так как в них встречены пока только застежки последующих хронологических групп.

Небезынтересно отметить, что воинские фибулы также всюду известны в типичных раннесарматских могилах, впущенных в насыпи более древних курганов [Кропотов, 2016, с. 104–105]. Однако свидетельствует ли это об определенном сосуществовании одной культуры с другой и «вызревании» среднесар-

матских погребальных традиций в недрах раннесарматского культурного комплекса или же только указывает на смену в период хождения воинских фибул раннесарматской культуры на среднесарматскую, судить пока преждевременно.

Последний момент, на который хотелось бы обратить внимание в заключение, – это уникальность усть-каменской фибульной коллекции, выражающаяся как в наличии в ее составе большого числа изделий, редких на других сарматских памятниках (в первую очередь, лучковых фибул с нижней тетивой), так и в единичности образцов, достаточно массовых на них (тех же проволочных лучковых фибул с верхней тетивой). Кроме того, усть-каменские застежки от синхронных однотипных изделий отличают в целом большие размеры, стандартный облик и аккуратность изготовления.

Рассуждая о возможных источниках поступления этих фибул населению, оставившему некрополь, следует сразу же исключить из круга основных поставщиков нижнедонской производственный центр, так как почти все типы усть-каменских фибул для Нижнего Дона не характерны. Единственное исключение – фибула с кнопкой на конце сплошного приемника, представленная на Усть-Каменском могильнике лишь одним экземпляром. Также не стоит рассматривать вероятность изготовления усть-каменских фибул в Крыму, так как синхронные крымские застежки, как правило, имеют меньшие размеры, а нижняя тетива у местных лучковых фибул (так называемых инкерманских) массово распространяется лишь во II–III вв. н.э. Столь же маловероятны и их поставки из Северо-Западного Причерноморья, где доминируют совсем иные типы застежек – дакийские сильно профилированные с бусинами на дужке, образцы с расширенной головкой и прочие. Трудно допустить и кустарное производство усть-каменских фибул местными сарматскими мастерами: аккуратный облик и высокое качество изготовления подразумевают их выпуск в хорошо налаженном стационарном производственном центре. Таким центром вблизи Днепра могла быть только античная Ольвия. Именно с ней, скорее всего, следует связывать изготовление всех най-

денных на некрополе лучковых фибул и, по-видимому, при ее же посредничестве поступали в регион провинциально-римские застежки. Только воинские фибулы и образец с копкой на конце приемника могли иметь иное происхождение – предположительно это позднескифские памятники Нижнего Днепра и нижнедонские городища.

К сожалению, недостаточная опубликованность ольвийских находок, а также отсутствие подробного металлографического анализа материала усть-каменских фибул пока не позволяют ни подтвердить, ни опровергнуть высказанное предположение. Однако дальнейшие комплексные исследования, несомненно, внесут ясность в этот вопрос.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Собрание Археологической лаборатории Днепропетровского Национального университета в начале 2000-х гг. (на момент ознакомления с ним автора) готовилось к передаче на хранение в фонды Днепропетровского Исторического музея им. Д.И. Яворницкого, однако было ли оно передано музею, автору не известно.

² Курганы, у которых не указан номер погребения, содержали только одно захоронение.

³ На рисунке в публикации В.И. Костенко у данной фибулы на гребне изображен рельефный валик (рис. 4,9) [Костенко, 1993, рис. 15,4]. Однако последний ныне на изделии отсутствует (рис. 5,II). Нет его и на фотографии, приложенной к отчету о полевых исследованиях (рис. 3,8) [Костенко, 1984, рис. 90].

ПРИЛОЖЕНИЯ

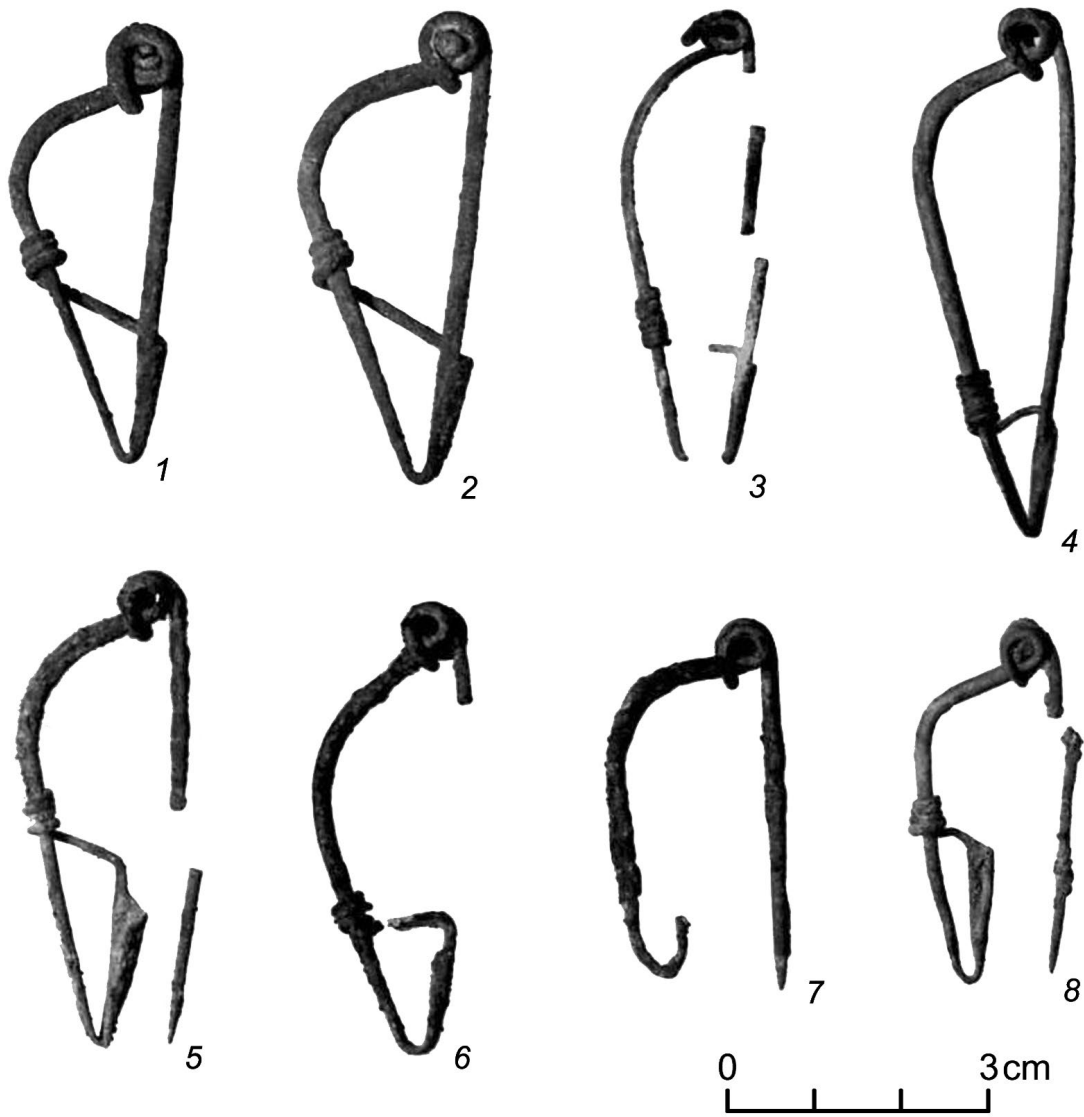

Рис. 1. Фибулы Усть-Каменского могильника (по: [Махно, 1951]):

1, 2 – курган 5; 3, 4 – курган 6, погребение 1; 5 – курган 6, погребение 2;
6, 7 – курган 12, погребение 2; 8 – курган 13, погребение 1

Fig. 1. The fibulae from the Ust-Kamensky cemetery (after: [Makhno, 1951]):

1, 2 – kurgan 5; 3, 4 – kurgan 6, burial 1; 5 – kurgan 6, burial 2; 6, 7 – kurgan 12, burial 2; 8 – kurgan 13, burial 1

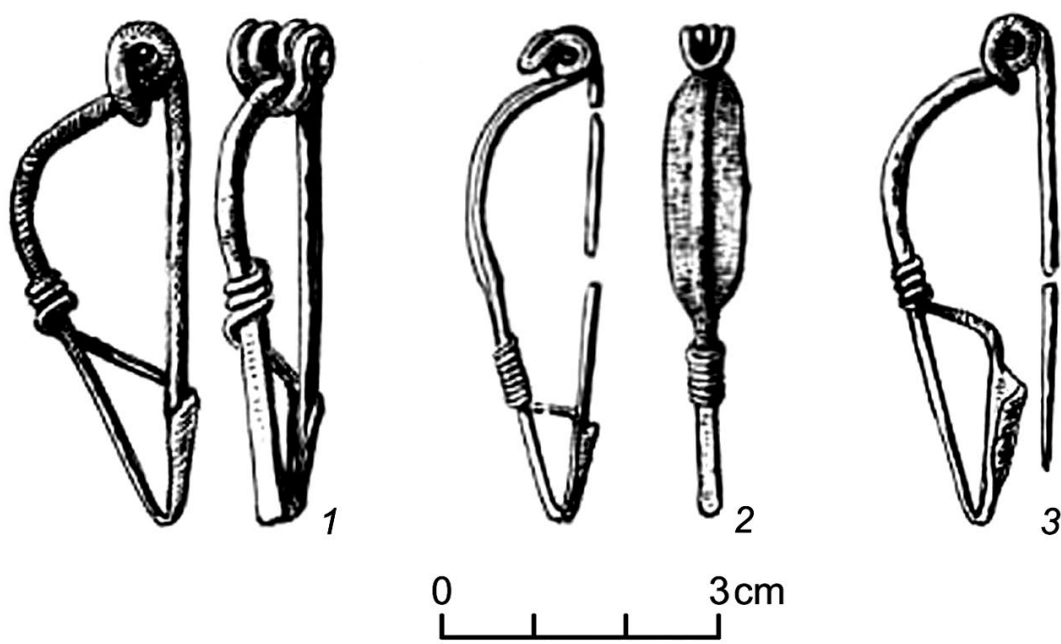

Рис. 2. Фибулы Усть-Каменского могильника (по: [Махно, 1960]):
1 – курган 5; 2 – курган 6, погребение 1; 3 – курган 6, погребение 2
Fig. 2. The fibulae from the Ust-Kamensky cemetery (after: [Makhno, 1960]):
1 – kurgan 5; 2 – kurgan 6, burial 1; 3 – kurgan 6, burial 2

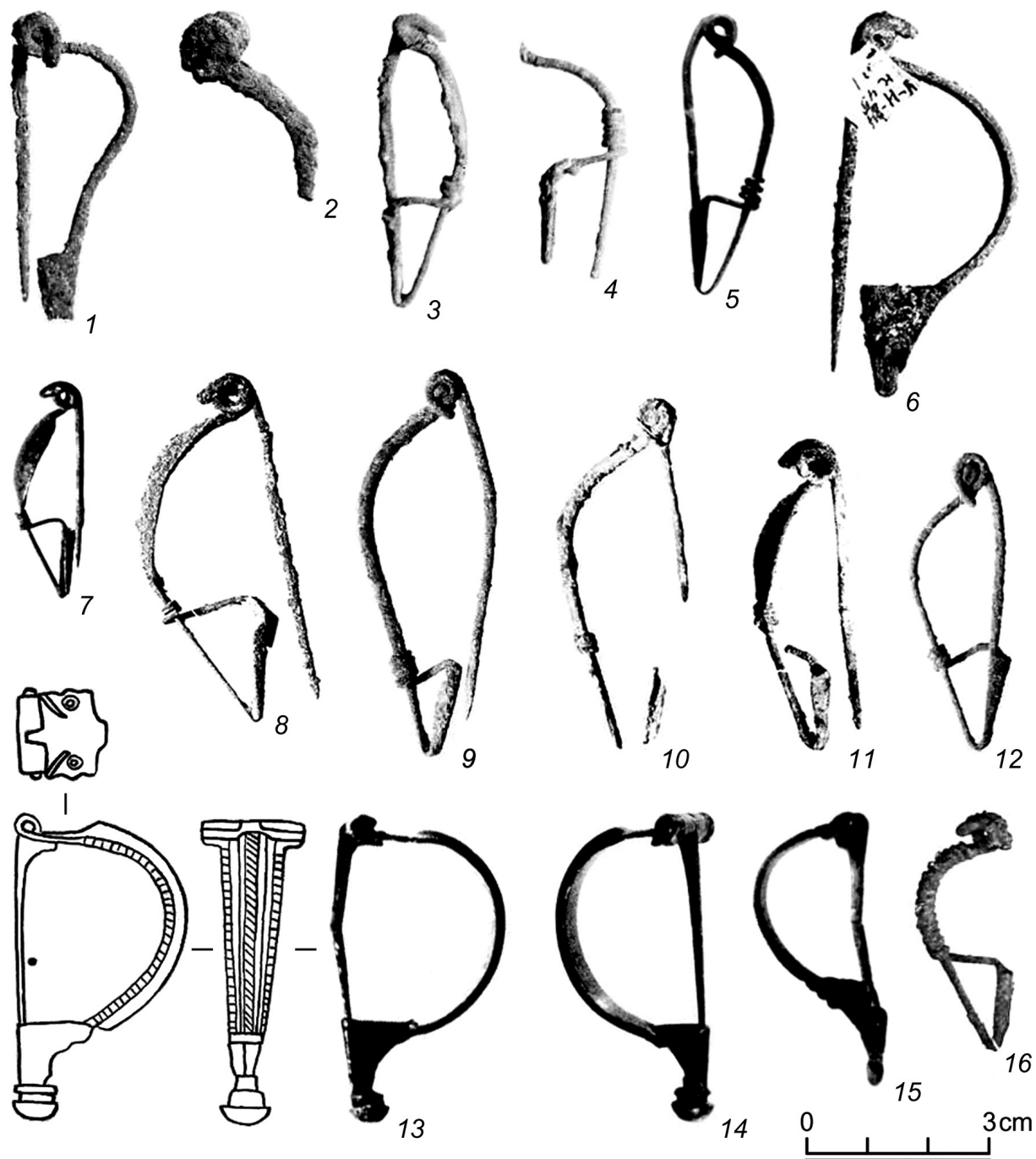

Рис. 3. Фибулы Усть-Каменского могильника (по: [Костенко, 1983; 1984; 1985]):

1 – курган 29; 2 – курган 26; 3, 4 – курган 31; 5 – курган 71; 6 – курган 45; 7 – курган 53;
 8 – курган 43, погребение 1; 9 – курган 32; 10 – курган 49, погребение 1; 11 – курган 59;
 12 – курган 21; 13 – курган 69; 14 – курган 70; 15 – курган 65; 16 – курган 37

Fig. 3. The fibulae from the Ust-Kamensky cemetery (after: [Kostenko, 1983; 1984; 1985]):

1 – kurgan 29; 2 – kurgan 26; 3, 4 – kurgan 31; 5 – kurgan 71; 6 – kurgan 45; 7 – kurgan 53;
 8 – kurgan 43, burial 1; 9 – kurgan 32; 10 – kurgan 49, burial 1; 11 – kurgan 59;
 12 – kurgan 21; 13 – kurgan 69; 14 – kurgan 70; 15 – kurgan 65; 16 – kurgan 37

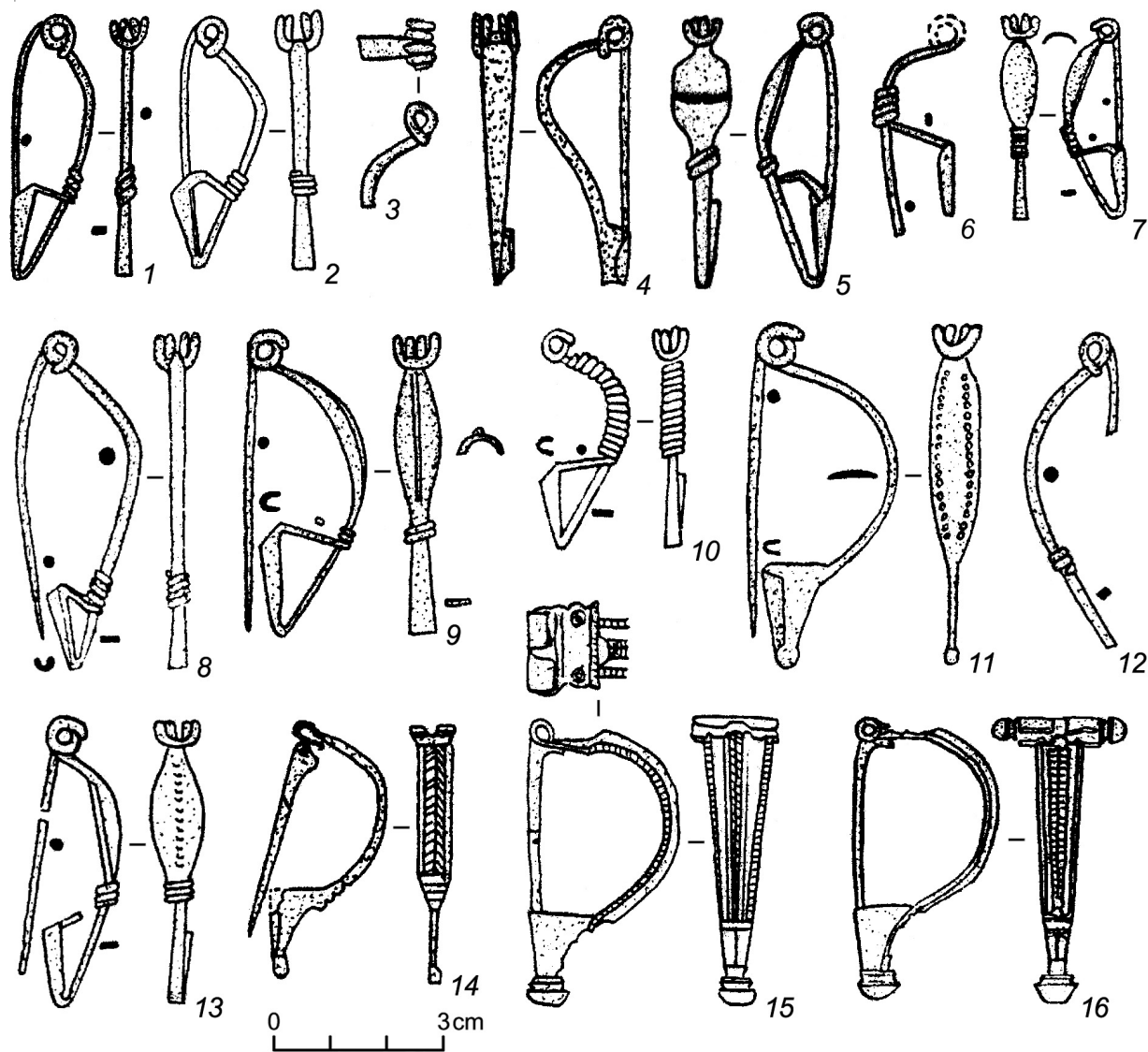

Рис. 4. Фибулы Усть-Каменского могильника (по: [Костенко, 1993]):

1 – курган 71; 2 – курган 21; 3 – курган 26; 4 – курган 29; 5, 6 – курган 31; 7 – курган 53;
 8 – курган 32; 9 – курган 43, погребение 1; 10 – курган 37; 11 – курган 45; 12 – курган 49, погребение 1;
 13 – курган 59; 14 – курган 65; 15 – курган 69; 16 – курган 70

Fig. 4. The fibulae from the Ust-Kamensky cemetery (after: [Kostenko, 1993]):

1 – kurgan 71; 2 – kurgan 21; 3 – kurgan 26; 4 – kurgan 29; 5, 6 – kurgan 31; 7 – kurgan 53;
 8 – kurgan 32; 9 – kurgan 43, burial 1; 10 – kurgan 37; 11 – kurgan 45; 12 – kurgan 49, burial 1;
 13 – kurgan 59; 14 – kurgan 65; 15 – kurgan 69; 16 – kurgan 70

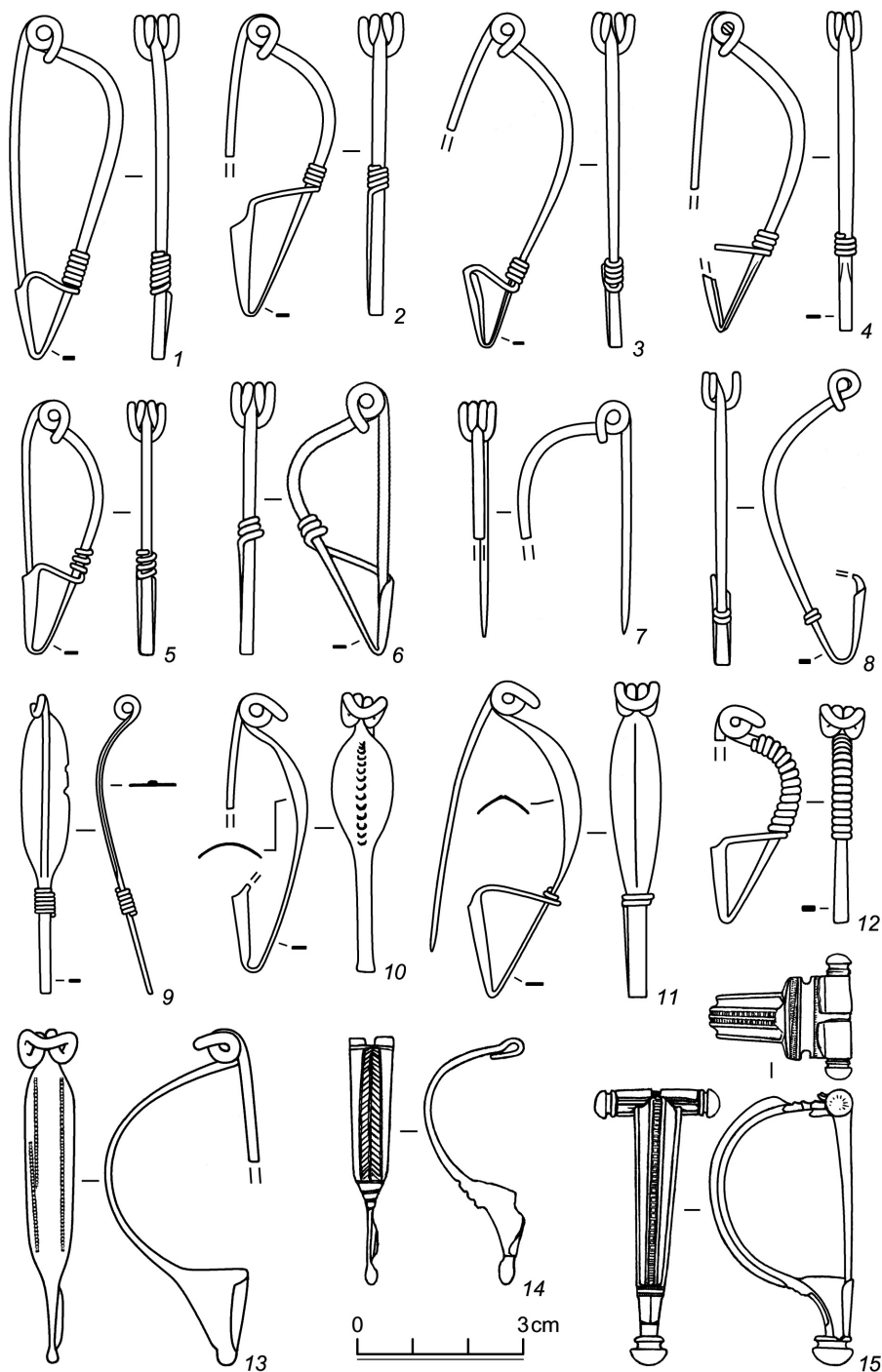

Рис. 5. Фибулы Усть-Каменского могильника (рисунки автора):

1, 9 – курган 6, погребение 1 (НМИУ, Б57-69/70); 2 – курган 6, погребение 2 (НМИУ, Б57-57);
 3 – курган 32 (АЛ ДНУ, б/н); 4 – курган 49, погребение 1 (АЛ ДНУ, б/н); 5 – курган 71 (АЛ ДНУ, б/н);
 6 – курган 5 (НМИУ, Б57-40); 7, 8 – курган 12 (НМИУ, Б57-111/111а); 10 – курган 59 (АЛ ДНУ, б/н);
 11 – курган 43 (АЛ ДНУ, б/н); 12 – курган 37 (АЛ ДНУ, б/н); 13 – курган 45 (АЛ ДНУ, б/н);
 14 – курган 65 (АЛ ДНУ, б/н); 15 – курган 70 (АЛ ДНУ, б/н)

Fig. 5. The fibulae from the Ust-Kamensky cemetery (drawings by the author):

1, 9 – kurgan 6, burial 1 (NMHU, Б57-69/70); 2 – kurgan 6, burial 2 (NMHU, Б57-57); 3 – kurgan 32 (AL DNU, w/o No.);
 4 – kurgan 49, burial 1 (AL DNU, w/o No.); 5 – kurgan 71 (AL DNU, w/o No.); 6 – kurgan 5 (NMHU, Б57-40);
 7, 8 – kurgan 12 (NMHU, Б57-111/111а); 10 – kurgan 59 (AL DNU, w/o No.); 11 – kurgan 43 (AL DNU, w/o No.);
 12 – kurgan 37 (AL DNU, w/o No.); 13 – kurgan 45 (AL DNU, w/o No.); 14 – kurgan 65 (AL DNU, w/o No.);
 15 – kurgan 70 (AL DNU, w/o No.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Амброз А. К., 1966. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. – IV в. н.э. Свод археологических источников. Вып. Д1-30. М. : Наука. 150 с.
- Вязьмитина М. И., 1972. Золотобалковский могильник. Киев : Наукова думка. 192 с.
- Глебов В. П., 2004. Хронология раннесарматской и среднесарматской культур Нижнего Подонья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар. С. 127–133.
- Глебов В. П., 2009. Фибулы раннесарматской культуры Нижнего Подонья // Материалы V Кубанской археологической конференции. Краснодар. С. 71–76.
- Зайцев Ю. П., Мордвинцева В. И., 2004. Варварские погребения Крыма II в. до н.э. – I в. н.э. // Сарматские культуры Евразии : проблемы региональной хронологии. Краснодар. С. 174–204.
- Каспарова К. В., 1976. О верхней хронологической границе зарубинецкой культуры Припятского Полесья // Советская археология. № 3. С. 128–140.
- Костенко В. И., 1979. Сарматы в междуречье Орели и Самары // Курганные древности Степного Поднепровья III–I тыс. до н.э. Вып. 3. Днепропетровск. С. 124–139.
- Костенко В. И., 1983. Отчет о работах Сарматского отряда археологической экспедиции Днепропетровского госуниверситета по исследованию сарматского могильника у с. Усть-Каменка Апостоловского района Днепропетровской области в 1983 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 20967 (1983/62). 43 с.
- Костенко В. И., 1984. Отчет о полевых исследованиях у с. Усть-Каменка Апостоловского района Днепропетровской области в 1984 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 21378 (1984/91). 43 с.
- Костенко В. И., 1985. Отчет о полевых исследованиях Сарматской экспедиции Днепропетровского госуниверситета в 1985 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 21759 (1985/54). 99 с.
- Костенко В. И., 1993. Сарматы в Нижнем Поднепровье. Днепропетровск : Изд-во ДГУ. 152 с.
- Косяненко В. М., 2008. Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956–1962 гг.). Донские древности. Вып. 9. Азов : Азов. музей-заповедник. 544 с.
- Кропотов В. В., 2010. Фибулы сарматской эпохи. Киев : АДФУ-Украина. 384 с.
- Кропотов В. В., 2016. Фибулы второй половины/конца II в. до н.э. – первой половины I в. н.э. из сарматских погребений Северного Причерноморья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья : материалы V Междунар. Нижневож. археол. конф. Элиста : Изд-во Калм. ун-та. С. 103–107.
- Ларенок В. А., 2013. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища из раскопок 1999–2000 гг. Часть I. Ростов н/Д : Дон. издат. дом. 448 с.
- Ларенок В. А., 2021. Меотские древности. Каталог погребальных комплексов Кобякова городища на площадке строительства торгового комплекса “Метро кэш Анд керри” в 2007 г. Часть III. Ростов н/Д : Дон. издат. дом. 536 с.
- Лимберис Н. Ю., Марченко И. И., 2004. Римские и провинциально-римские бронзовые фибулы из Прикубанья // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 4. С. 221–241.
- Масякин В. В., 2011. Римские шарнирные фибулы Боспора // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. Материалы международной научной конференции. СПб. : Нестор-История. С. 166–174.
- Махно Е. В., 1951. Отчет о работе Никопольской археологической экспедиции в 1951 г. // Научный архив ИА НАНУ. Д. 1507 (1951/2a). 49 с.
- Махно Є. В., 1960. Розкопки пам’яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам’янці // Археологічні пам’ятки УРСР. Т. IX. Київ : Вид-во АН УРСР. С. 14–38.
- Сергацков И. В., 2004. К хронологии среднесарматской культуры Нижнего Поволжья // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Краснодар. С. 107–116.
- Симоненко А. В., 1993. Сарматы Таврии. Киев : Наукова думка. 144 с.
- Симоненко А. В., 2000. Могильник Днепрозаводстрой и сарматские памятники «восточной волны» в Северном Причерноморье // Нижневожский археологический вестник. Вып. 3. С. 133–144.
- Симоненко А. В., 2004. Хронология и периодизация сарматских памятников Северного Причерноморья // Сарматские культуры Евразии : проблемы региональной хронологии. Краснодар. С. 134–173.
- Симоненко А. В., 2010. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб. : Нестор-История. 328 с.

- Симоненко А. В., 2011. Римский импорт у сарматов Северного Причерноморья. СПб. : Нестор-История. 268 с.
- Труфанов А. А., 2009. Хронология могильников Предгорного Крыма I в. до н.э. – III в. н.э. // *Stratum plus*. № 4. С. 117–328.
- Храпунов И. Н., Масякин В. В., Мульд С. А., 1997. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь : Таврия. С. 76–155.
- Ettlinger E., 1973. Die römischen Fibeln in der Schweiz. Bern : Francke. 242 S.
- Feugère M., 1985. Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C. // *Revue Archéologique de Narbonnaise. Supplément 12*. Paris : Centre National de la Recherche Scientifique. 668 p.
- Košćević R., 1980. Antičke fibule s područja Siska. Zagreb : Centar Povijesne Znanosti. 134 S.
- Riha E., 1979. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst // *Forschungen in Augst*. Bd. 3. Augst : Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 302 S.
- Riha E., 1994. Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975 // *Forschungen in Augst*. Bd. 18. Augst : Römermuseum. 256 S.
- Simonenko A. V., 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes // *Archäologie in Eurasien*. Bd. 25. Mainz : Philipp von Zabern. S. 1–264.

REFERENCES

- Ambroz A.K., 1966. *Fibuly iuga Evropeiskoy chasti SSSR II v. do n.e. – IV v. n.e.* [Brooches of the South of European Part of USSR of 2nd Cent. BC – 4th Cent. AD]. *Svod Arkheologicheskikh Istochnikov*, iss. Д1-30. Moscow, Nauka Publ. 150 p.
- Viaz'mitina M.I., 1972. *Zolotobalkovskiy mogilnik* [Zolotobalkovskiy Cemetery]. Kiev, Naukova dumka Publ. 192 p.
- Glebov V.P., 2004. Hronologiya rannesarmatskoy i srednesarmatskoy kultur Nizhnego Podon'ya [Chronology of the Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures of the Lower Don Region]. *Sarmatsie kultury Evrazii: problemy regionalnoy hronologii* [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar, pp. 127-133.
- Glebov V.P., 2009. Fibuly rannesarmatskoy kultury Nizhnego Podon'ya [Fibulae of the Early Sarmatian Culture of the Lower Don Region]. *Materialy V Kubanskoj arheologicheskoy konferentsii* [Materials of the 5th Kuban Archaeological Conference]. Krasnodar, pp. 71-76.
- Zaytsev Yu.P., Mordvintseva V.I., 2004. Varvarskie pogrebeniya Kryma II v. do n.e. – I v. n.e. [Barbarian Burials of Crimea of 2nd Century BC – 1st Century AD]. *Sarmatsie kultury Evrazii: problemy regionalnoy hronologii* [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar, pp. 174-204.
- Kasparova K.V., 1976. O verhney hronologicheskoy granits zarubinetskoj kultury Pripyatskogo Poles'ya [On the Upper Chronological Boundary of the Zarubintsy Culture of Pripyat Polesie]. *Sovetskaya Arheologiya* [Soviet Archeology], no. 3, pp. 128-140.
- Kostenko V.I., 1979. Sarmaty v mezhdurech'ye Oreli i Samary [The Sarmatians Between the Orel and Samara Rivers]. *Kurgannye drevnosti Stepnogo Podneprov'ya III–I tys. do n.e.* [Kurgan Antiquities of the Steppe Dnieper Region of the 3rd – 1st Millennium BC], iss. 3. Dnepropetrovsk, pp. 124-139.
- Kostenko V.I., 1983. Otchet o rabotah Sarmatskogo otryada arheologicheskoy ekspeditsii Dnepropetrovskogo gosuniversiteta po issledovaniyu sarmatskogo mogilnika u s. Ust'-Kamenka Apostolovskogo rayona Dnepropetrovskoy oblasti v 1983 g. [Report on the Work of the Sarmatian Detachment of the Archaeological Expedition of Dnepropetrovsk State University to Study the Sarmatian Burial Ground near the Village Ust-Kamenka, Apostolovsky District, Dnepropetrovsk Region in 1983]. *Arkhiv IA NASU*, no. 20967 (1983/62). 43 p.
- Kostenko V.I., 1984. Otchet o polevyh issledovaniyah u s. Ust'-Kamenka Apostolovskogo rayona Dnepropetrovskoy oblasti v 1984 g. [Report on Field Research in the Village Ust-Kamenka, Apostolovsky District, Dnepropetrovsk Region in 1984]. *Arkhiv IA NASU*, no. 21378 (1984/91). 43 p.
- Kostenko V.I., 1985. Otchet o polevyh issledovaniyah Sarmatskoy ekspeditsii Dnepropetrovskogo gosuniversiteta v 1985 g. [The Report on Field Research of the Sarmatian Expedition of Dnepropetrovsk State University in 1985]. *Arkhiv IA NASU*, no. 21759 (1985/54). 99 p.

- Kostenko V.I., 1993. *Sarmaty v Nizhnem Podneprov'e* [The Sarmatians in the Lower Dnieper Region]. Dnepropetrovsk, DSU. 152 p.
- Kosyanenko V.M., 2008. Nekropol' Kobiakova gorodischa (po materialam raskopok 1956-1962 gg.) [Necropolis of the Kobyakov Settlement (on the Materials of 1956–1962)]. *Donskie drevnosti* [The Don Antiquities], iss. 9. Azov, The Museum-Reserve of Azov. 554 p.
- Kropotov V.V., 2010. *Fibuly sarmatskoi epokhi* [The Fibulae of the Sarmatian Age]. Kiev, ADEF-Ukraina Publ. 384 p.
- Kropotov V.V., 2016. Fibuly vtoroy poloviny/kontsa II v. do n.e. – pervoy poloviny I v. n.e. iz sarmatskih pogrebeniy Severnogo Prichernomor'ya [Fibulae of the Second Half/End of the 2nd Century BC – First Half of the 1st Century AD from the Sarmatian Burials of the Northern Pontic Region]. *Problemy arheologii Nizhnego Povolzh'ya: materialy V Mezhdunar. Nizhnevolzh. arheol. konf.* [Problems of Archeology of the Lower Volga Region. Materials of the 5th International Lower Volga Archaeological Conference]. Elista, Kalmyk State University Publ., pp. 103-107.
- Larenok V.A., 2013. *Meotskie drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobyakova gorodischa iz raskopok 1999-2000 gg.* [Meotian Antiquities. Catalog of Burial Complexes of the Kobyakov Settlement from Excavations in 1999–2000]. Part I. Rostov-on-Don, LLC “Donskoy izdatel'skiy dom” Publ. 448 p.
- Larenok V.A., 2021. *Meotskie drevnosti. Katalog pogrebal'nykh kompleksov Kobyakova gorodischa na ploschadke stroitelstva torgovogo kompleksa “Metro cash and carry” v 2007 g.* [Meotian Antiquities. Catalog of Burial Complexes of the Kobyakov Settlement at the Construction Site of the Metro Cash And Carry Shopping Complex in 2007]. Part III. Rostov-on-Don, LLC “Donskoy izdatel'skiy dom” Publ. 536 p.
- Limberis N. Yu., Marchenko I.I., 2004. Rimskie i provintsialno-rimskie bronzovye fibuly iz Prikuban'ya [Roman and Provincial Roman Bronze Fibulae from the Kuban Region]. *Materialy i issledovaniya po arheologii Kubani* [Materials and Research on the Archeology of Kuban], iss. 4, pp. 221-241.
- Masyakin V.V., 2011. Rimskie sharnirnye fibuly Bospora [Roman Hinged Brooches of the Bosphorus]. *Bosporskiy fenomen. Naselenie, yazyki, kontakty. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Bosporan Phenomenon. Population, Languages, Contacts. Materials of the International Scientific Conference]. Saint Petersburg, Nestor-Istoria Publ., pp. 166-174.
- Makhno E.V., 1951. Otchet o rabote Nikopolskoy arheologicheskoy ekspeditsii v 1951 g. [Report on the Work of the Nikopol Archaeological Expedition in 1951]. *Arkhiv IA NASU*, no. 1507 (1951/2a). 49 p.
- Makhno E.V., 1960. Rozkopky pam'yatok epokhi bronzy ta sarmats'kogo chasu v c. Ust'-Kam'yantsi [Excavations of Monuments of the Bronze Age and Sarmatian Time in the Village Ust-Kamenka]. *Arheologichni pam'yatky URSSR* [Archaeological Monuments of USSR], vol. IX. Kiev, AS USSR Publ, pp. 14-38.
- Sergatskov I.V., 2004. K hronologii srednesarmatskoy kultury Nizhnego Povolzh'ya [On the Chronology of the Middle Sarmatian Culture of the Lower Volga Region]. *Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoy hronologii* [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar, pp. 107-116.
- Simonenko A.V., 1993. *Sarmaty Tavrii* [The Sarmatians of Tauria]. Kiev, Naukova dumka Publ. 144 p.
- Simonenko A.V., 2000. Mogil'nik Dneprozavodstroy i sarmatskie pamyatniki “vostochnoy volny” v Severnom Prichernomor'e [Dneprozavodstroy Cemetery and Sarmatian Monuments of the “Oriental Wave” in the North Pontic Area]. *Nizhnevolzhskiy Arheologicheskiy Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], iss. 3, pp. 133-144.
- Simonenko A.V., 2004. Hronologiya i periodizatsiya sarmatskih pamyatnikov Severnogo Prichernomor'ya [Chronology and Periodization of Sarmatian Monuments of the Northern Pontic Region]. *Sarmatskie kultury Evrazii: problemy regionalnoy hronologii* [The Sarmatian Cultures of Eurasia: Problems of Regional Chronology]. Krasnodar, pp. 134-173.
- Simonenko A.V., 2010. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ya* [Sarmatian Riders of the Northern Pontic Region]. Saint Petersburg, Nestor-Istoria Publ. 328 p.
- Simonenko A.V., 2011. *Rimskiy import u sarmatov Severnogo Prichernomor'ya* [Roman Imports for the Sarmatians of the Northern Pontic Region]. Saint Petersburg, Nestor-Istoria Publ. 268 p.
- Trufanov A.A., 2009. Chronologia mogilnikov Predgornogo Kryma I v. do n.e. – III v. n.e. [The Chronology of Burials in the Foothill Crimea at the I Century BC – III Century AD]. *Stratum plus*, no. 4, pp. 117-328.
- Khrapunov I.N., Masyakin V.V., Muld S.A., 1997. Pozdneskifskiy mogilnik u s. Kolchugino [The Late-Scythian Burial Ground near Village Kolchugino]. *Bakhchisaraiskiy istoriko-arheologicheskiy sbornik* [Bakhchisarai Historical and Archaeological Collected Works], iss. 1. Simferopol, Tavria Publ., pp. 76-155.

- Ettliger E., 1973. *Die römischen Fibeln in der Schweiz*. Bern, Francke. 242 S.
- Feugère M. 1985. *Les fibules en Gaule Méridionale de la conquête à la fin du Ve siècle après J.-C.* Revue Archéologique de Narbonnaise. Supplément 12. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique. 668 p.
- Košćević R., 1980. *Antičke fibule s područja Siska*. Zagreb, Centar Povijesne Znanosti. 134 s.
- Riha E., 1979. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*. Forschungen in Augst. Bd. 3. Augst, Amt für Museen und Archäologie des Kantons Basel-Landschaft. 302 S.
- Riha E., 1994. *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst. Die Neufunde seit 1975*. Forschungen in Augst. Bd. 18. Augst, Römermuseum. 256 S.
- Simonenko A.V., 2008. Römische Importe in sarmatischen Denkmälern des nördlichen Schwarzmeergebietes. *Archäologie in Eurasien*. Bd. 25. Mainz, Phillipp von Zabern. S. 1-264.

Information About the Author

Viktor V. Kropotov, Candidate of Sciences (History), Doctoral Candidate, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Dm. Ulyanova St, 19, 117292 Moscow, Russian Federation, v-kropotov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8317-0272>

Информация об авторе

Виктор Валерьевич Кропотов, кандидат исторических наук, докторант, Институт археологии РАН, ул. Д. Ульянова, 19, 117292 г. Москва, Российская Федерация, v-kropotov@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8317-0272>